

РУССКИЙ ПАТРИОТ

3-e année
No 12 (25)
(NOUVELLE SERIE)

(LE PATRIOTE RUSSE)

Prix 5 frs.

Organe de l'Union des Patriotes Russes en France paru en clandestinité

4, rue de Galliera Paris 16.

— 13 JANVIER 1945 —

Tel.: KLE 94-20, 21, 22

От Союза Русских Патриотов

17-го декабря 1944 года выборами постоянного правления закончился организационный период Союза Русских Патриотов.

С. Р. П. призывает к самому широкому сотрудничеству всех русских за рубежом, которые считают, что нынешние пути Советского Союза являются национальными пу-

тами России и ведут к осуществлению ее исторической миссии среди народов. Преклоняясь не только перед мощью и величием, выявленными Советским Союзом на войне, но и перед правдой, которую он несет, мы зовем всех русских за рубежом связать свою судьбу с судьбой нашей родины и принять участие в совместной работе.

НАШЕ ДЕЛО

В русском зарубежье принимаются многочисленные резолюции о признании советской власти. О признании безоговорочном или с оговорками.

Следует уточнить понятия.

Ни в каком признании советская власть не нуждается. Она давно признана всем миром и, в частности, самой эмиграцией. Никто не отказывает ей в праве не только именоваться, но и быть властью русской и национальной. Споры между отдельными группировками основаны на недоразумении.

Перед русским зарубежьем стоит вопрос не о признании власти, но о признании строя. Советского строя.

Как признавать? С оговорками или без оговорок?

С одной стороны, и совершенно правильно, указывают, что оговорки, каковы бы они ни были по существу, неприемлемы уже потому, что сразу вносят противоположение, разделение на «нас» и «них». Такому признанию — грех цена. Однако, с основанием указывают и с другой стороны, что принимать что либо без оговорок, значит не принять ничего. Ибо безоговорочное признание означает признание только данного исторического момента, т. е. отрицание самой возможности живого роста и развития того, что принимаешь.

Итак, вопрос следует поставить с возможно большей ясностью:

Речь идет не о безоговорочном или оговорочном признании советского строя, речь идет о полноте этого признания. Все проще — от лукавого.

Мы стоим на почве полного признания, со всеми возможными выводами. Мы признаем власть и строй так, как признает их весь русский народ, на деле доказавший всю полноту такого признания.

Это не просто сотрудничество «отсюда и досюда», даже не слияние, но сама жизнь. Все растет, — растет народ, растет власть, растет строй.

Рост есть развитие, где есть развитие — нет безоговорочности.

Полнота признания дает не только обя-

занности, но и права. Главнейшее из прав — принимать участие в общем росте и творчестве.

Нам не зачем говорить о патриотизме русского зарубежья.

Оторванные на много лет от своей родины, люди не порвали духовной связи с ней, не погнались за щедрыми обещаниями врага, пошли на жертвы и лишения за право быть и называться русскими.

Мы знаем, что среди тех, кто не с нами или еще не с нами, — не мало мужественных, честных и патриотически настроенных людей.

Но есть патриотизм — и патриотизм.

Патриотизм бездейственный, созерцательный — нас не прельщает.

Мы стоим за патриотизм деятельный. Мы ни в чем не желаем противопоставлять себя своему народу.

Старая истинка говорит, что война — экзамен власти. Эта война — самый страшный экзамен для всего, что есть, было и будет в России. Она показала, что советская власть и народ — неделимы. Если так, то нелепо отрицать советский строй, т. е. ту государственную форму, которая срастила народ и власть воедино, срастила так, как никогда еще в русской истории срачены они не были.

Нам хочется сказать колеблющимся: идите с нами. Мы долго были вместе, нам жалко раставаться с вами.

Мы никого не отмечаем от себя, но ни для кого не свернем с избранной дороги.

Мы не берем никаких монополий, в частности — монополии на патриотизм, но мы не признаем этого преимущества и за другими.

Жеребковщина нам отвратительна; мы будем бороться с ней всегда и везде, откуда бы и в каком бы виде она ни выползла, потому что всегда и всюду от нее исходит смрад предательства.

Мы ни у кого не вынуждаем покаяния, и сами отрекаемся не от всего, ибо даже за всеми нашими ошибками всегда была одна цель, она осталась неизменной: наша Родина и ее Правда.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

После страшных событий последних лет, когда в кровавом испытании наша родина изумила мир мощью и величием своего духа, трудно «праздновать» двадцатипятилетний юбилей своего изгнания. Но отметить его надо. Отметим же его. Сделаем свои заключения и выводы. Воспользуемся тем, что размах и грандиозность происходящего позволяют нам многое забыть, и подойдем сразу к итогам.

25 лет. Русские представлены на всех ступенях европейского общества. Четверть века, во всех уголках мира льется звучная русская речь, растут русские дети...

Русские остались русскими и наперекор всем сохранили свой язык, веру, нравы, обычаи... сохранили свою ничему не поддающуюся русскость. Если принять во внимание беспочвенность русской эмиграции, оторванность от народных источников, то это во всяком случае доказывает нашу живучесть и это отметит историк.

25 лет тоски по далекой родине и вот, наконец, строю, виновнику всех унижений, о котором прочитаны гэры книг, журналов, газет и... ни одного хорошего слова — грозит гибель. Победоносная германская армия катится к Волге, к Каспийскому морю. Открывается путь к родным местам. Сыплются

заманчивые предложения. Рисуются «блестящие» перспективы... В русских сердцах в Берлине, Брюсселе, Париже, Ницце, под звуки торжествующей немецкой музыки, происходит нечто странное, неожиданное...

Вспыхивает с новой силой большая неподкупная любовь к своей родине.

Эмиграция, 25 лет ждавшая свержения советской власти, в большинстве своем признала эту власть — властью народной и уйдя в подполье, саботажем и пропагандой ответила немецким захватчикам.

Это явление во всяком случае отрадное.

25 лет. Четверть века. Сотни тысяч русских людей, разбросанных по всему миру, изучивших общественную жизнь каждой страны лучше самих туземцев, сумевших приспособиться к самым невероятным условиям, доказавших свою жизнеспособность, оставшихся русскими и взращивших своих детей русскими патриотами, являются в целом исторической ценностью.

Объединить эту массу честных русских патриотов в ее любви к родине, присоединяя к ней новых патриотов. Изучить с нею то гигантское, что произошло у нас в наше отсутствие. Не дать заглохнуть порыву. Сохранить эту массу для служения нашей родине — в этом долг каждого русского патриота.

Павел Быстров.

ЗА НЕДЕЛЮ

Президент Рузвельт дважды обратился к конгрессу С. Ш. А. В своем первом послании он восстал против «враждебных слухов, направленных против русских и англичан и нёсящих следы германского происхождения». Президент указал, что С. Ш. А. будут всем своим влиянием содействовать осуществлению принципов атлантической хартии и установлению свободно избранных правительств в освобожденных странах. В заключение он выразил надежду на торжество права над фашистским террором и в Европе и в Азии еще в 1945 году.

Относительно дальне-восточных дел английская печать отметила факт, оставшийся почти незамеченным на континенте: советское правительство отказалось в визе некоторым японским дипломатам, вынужденным покинуть Анкару вследствие разрыва дипломатических отношений между Турцией и Японией. Эти дипломаты, таким образом лишенные возможности выехать из Турции, будут там, вероятно, интернированы.

Президиум центрального совета советских профсоюзов ратифицировал соглашение с французскими профсоюзами, предусматривающее усиление работы на войну обоих народов, обмен производственным опытом и выработку общей позиции французской и советской общественности в вопросах будущего мира и санкций против германского агрессора.

В Греции продолжается гражданская

Афанасий Иванович БЕДРИК

скоро постигло скончался 5 января и погребен на кладбище в Руане s.s.
о чём извещают братья.
В воскресенье, 14-го января, в 12 ч. 15 м. будет отслужена панихида в русском храме в Асниёре.

ОБЗОР ПЕЧАТИ**МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ**

В своем послании к конгрессу президент Рузвельт указал на наличие расхождений, которые необходимо устранить.

«Чем более мы приближаемся к победе, — сказал он, — тем более мы со знаем различия, существующие между победителями. Мы не должны разделяться, мы должны искать наиболее важные общие и постоянные интересы, чтобы выиграть войну и построить мир».

Этим вопросам интересную статью посвящает Пертинакс в «Ла Батаи».

«Статья лондонского «Экономиста» об англо-американских отношениях имела в Америке громадный отклик. Можно следующим образом формулировать вывод: не будем ставить только на одну американскую карту, наша будущая безопасность не должна зависеть исключительно от системы союзов, обусловленной участием Соед. Штатов.

Таков тезис «Экономиста». Он не нов, Уинстон Черчилль и Антони Иден уже имели его в виду, когда в мае 1942 года подписали 20-летний договор с Россией. Надо ли добавить, что подобная мысль заметна и в русской стороне?...

«Ее подкрепляют следующие аргументы. Многие американцы теперь сомневаются в том, чтобы Совет Безопасности — центральный орган системы международного мира, выработанной в Дэмбартон-Оаке прошлым летом, — мог выполнить свое назначение, посредством быстрого автоматического действия, решение о котором выносится представителями четырех полномочных великих держав. Эти американцы приходят к выводу..., что завтрашний мир не будет управляться исключительно Атлантической Хартией, так же, как мир прошлый не управлялся исключительно 14-ю пунктами января 1918 года».

«...Пока Рузвельт у власти, движения американского общественного мнения, противные Англии находятся под надзором и сдерживаются. Президент уверен в том, что мир мира зависит от союза С. Штатов, Англии и России. Он сумеет принести этому союзу необходимые жертвы. Но не есть ли Рузвельт в американской истории явление исключительное, случайный эпизод?».

«Решение вопроса, учитывающее возможность периодических отступлений Америки перед риском немедленного действия, необходимого для обеспечения мира, следует искать, — заключает Пертинакс, — в повторном и более подробном рассмотрении предложений, выработанных в Дэмбартон-Оаке. Там был установлен принцип, что четыре великие державы — Англия, С. Штаты, Россия и Франция — могут действовать против всякой угрозы мира лишь в случае их единогласия. Нельзя ли было бы ввести некоторую коррекцию, устанавливающую, что относительно Европы, единство Англии, Франции и России достаточно для применения санкций?.. Но добиться принятия этого дуализма нашими американскими друзьями не так-то просто».

Тем временем американская печать отмечает дальнейшее сближение Англии с Советским Союзом:

«Не имея безусловной поддержки С. Штатов и не будучи в состоянии добиться этой поддержки, — пишет «Вашингтон Пост», — Великобритания не могла противиться русским требованиям касательно Восточной Европы и должна была говориться с Россией».

Английские газеты, действительно, продолжают выказывать недовольство неясно-

стью американской позиции перед вопросами послевоенного времени.

«Взгляды, высказанные «Экономистом», — пишет лейбористская «Трибюн», орган Бивена, — разделяются большинством британского народа. Мы устали от высказываний некоторых американских комментаторов, не говоря уже об официальных заявлениях американского правительства. Если американская политика мировой безопасности после войны призвана разиться, то пора бы американским публицистам стать более снискодительными по отношению к тем странам, которые уже старались принять полноту ответственности перед другими нациями».

«Нью-Йорк Геральд Трибюн» лучшим способом к преодолению этих затруднений считает встречу «трех великих»:

«Задачей этой встречи было бы выработать более практические принципы и соглашения, как основу военного сотрудничества в переходный период... Встреча «трех великих» весьма желательна».

Как сообщает «Сандей Таймс», «в числе наиболее деликатных вопросов, подлежащих обсуждению (при этой встрече) находятся русско-польские отношения, положение в Югославии, в Италии и в Греции, а также вопрос отношения с Венгрией... В числе экономических проблем, также представляющих трудности, следует упомянуть вопрос о нефтеносных землях Ирана и, может быть, Саудитской Аравии».

Относительно Польши отметим статью «Правды», известную нам, к сожалению, пока лишь по агентским телеграммам.

«Правда» отмечает, быстрое восстановление хозяйства освобожденной части Польши (так, например, производство бензина достигло 75-ти процентов доевенного уровня). Аграрная реформа протекает успешно и без затруднений. Польское временное правительство, как отмечает «Правда», представляет собой коалицию четырех политических партий, ранее представленных в люблиńskом комитете. Это правительство является гарантией дружеских отношений к Польше с Сов. Союзом и западными демократиями. В заключение, «Правда» подчеркивает, что лишь в тесном сотрудничестве с Советским Союзом, с С. Штатами и с Великобританией возможно восстановление Польши.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

«Нейе Цюрихер Цайтунг» останавливается на религиозном мире в Советском Союзе.

«Мы знаем, — пишет швейцарская газета, — что патриарх Сергию удалось восстановить мир между советским правительством и русской православной церковью. Невозможно не верить патриарху Сергию, когда он заявляет в книге «Правда о религии в России», что богослужение не встречает никаких препятствий. Из Москвы сообщают о том, что многие московские священники, помогавшие обороне Москвы в октябре 1941 года, ныне награждаются орденами. А через Швецию получены известия из оккупированной Красной Армией Венгрии, что протестантские пасторы и профессора, оставшиеся там со своими семьями, пользуются полной защитой советских венчных властей».

Как сообщает парижский «Ле Монд» из Москвы, рождественские богослужения в советской столице привлекли многие тысячи людей, в том числе многочисленных офицеров Красной Армии.

На фронтах**ЗА НЕДЕЛЮ****На русском фронте:**

На прошлой неделе началась операция немцев, имеющая целью прорвать линию осады Будапешта, поддержать обреченный на уничтожение гарнизон и дать ему возможность вырваться из разрушенного города. По сведениям из Москвы, операция эта развивается в двух направлениях: одно — непосредственно вдоль правого берега Дуная (на Эштергом), и другое — несколько южнее, в направлении г. Бичке, в 30 км. к западу от Будапешта. Немцы двинули мощные колонны танков, поддерживая их продвижение усиленными воздушными атаками.

Все усилия немцев в районе Бичке, несмотря на тяжелые потери, не дали благоприятных результатов и движение этой колонны к Будапешту разбивается об упорную оборону частей марш. Толбухина. Движение другой колонны — вдоль правого берега Дуная — имело по началу некоторый успех. Советскому командованию пришло спешно направить сюда несколько блиндированных дивизий и даже уступить немцам Эштергом, но, по последним сведениям, и здесь движение или сильно замедленно, или даже и вовсе остановлено.

Дело в том, что севернее Эштергома по противоположному, левому берегу Дуная, параллельно, но в обратном направлении, продвинулись до Комарно части марш. Малиновского. Занятие этого стратегически важного пункта и дальнейшее продвижение колонны на Братиславу явилось бы чрезвычайно серьезной угрозой тылу немецких войск, отправленных на выручку будапештского гарнизона.

Центр-маневры немцев в направлении Будапешта, не препятствуют сколько-нибудь заметно частям Красной армии продолжать намеченные ими наступление на Вену, как через Словакию, так и через южную Венгрию.

Воодушевляемый сведениями о приближающейся выручке, гарнизон Будапешта делает отчаянные попытки прорваться к ней навстречу. Крайняя усилия эти, однако, успеха не имеют, — и город agonизирует. Бойцы Красной армии, в жарких боях, продолжают брать улицу за улицей, квартал за кварталом: они дошли уже до квартала, где помещается венгерский пар-

ламент, и заняли его, равно как и набережные на Дунае, в Пеште.

На западном фронте:

В течение истекшей недели немцы пытались наступать в различных пунктах фронта: в бельгийских Арденнах, в Люксембурге, в Лотарингии и в Эльзасе. Несмотря на отчаянные усилия, немцам не только нигде не удалось добиться значительного успеха, но в некоторых пунктах (в Арденнах особенно) немецкие части попали в чрезвычайно затруднительное и опасное положение, и дабы не быть окруженными, должны начать отступление. Немецкое радиообщение от 10 января гласит: «перекресток дорог у Сент-Юбера, самый западный пункт нашего продвижения в Арденнах, оставлен нашими частями, вследствие сильного давления противника». За истекшую неделю вэйска ген. Монтгомери продвинулась вперед вдоль всего фронта в Бельгии и Люксембурге и заставила немцев начать отступление.

Одно время Эльзас находился под угрозой охвата — с севера, со стороны Гамбургейма на Рейне, где немцам удалось захватить небольшое пространство, и с юга, со стороны Виттернейма и Фризеннейма (недалеко от Кельма и Селестата). У этих мест, защищаемых французами, идут ожесточенные бои. Здесь немцам удалось за последние дни несколько расширить занятую ими зону.

Совершенно исключительную роль в операциях последних дней играет союзная авиация. 6 декабря 5000 бомбардировщиков сбросило более 10.000 тонн бомб на немецкие прифронтовые города, служащие базами снабжения. Ежедневно сообщается о рейдах тысяч тяжелых бомбардировщиков на железодорожные узлы в районе Гамма-Раштада, на Кельн, Кобленц, Мюнхен и другие важные тыловые пункты теперешнего наступления немцев.

Необходимо также отметить большой успех союзников в Тихом океане, где они только-что произвели высадку на о. Лусон, на Филиппинах. Японцы за последнее время теряют здесь позицию за позицией. Кроме того, союзная авиация уже несколько раз подвергала японские острова жестокой бомбардировке.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК**(ТРИ ЭТАПА ЗАРУБЕЖНОГО СОЗНАНИЯ)****По потрясенной мостовой.**

Монументальное творчество не просто творит, оно еще и потрясает, разрушает.

Медный Конь — не застывшая волна истории, это шквал революции.

Вся Россия давно ждала революции, но огромной части ее казалось, что для этого достаточно уничтожить старое содержание. Это и сделано было в феврале.

Прекрасное здание, потрясенное и обветшающее, осталось пустым. За новое содержание мы склонны были принять временные подпорки, с трудом поддерживавшие своды.

Удалился в изгнание, мы видели только эту полуслучающую форму. Незаметно для самих себя, мы четверть века сторожили пустое место... Это — первый этап нашего зарубежного сознания. Все эти четверть века мы стояли в стороне от всего, что творилось там. Мы могли догадываться, судить и гадать, но появилась новые общественные группировки, новые идеологические течения.

Евразийцы, не смущаясь временем как бы небытием Российского государства, пока звали огромные пространства его в необычном эссе. Был, если не раскрыть, то для многих открыт огромный мир, самодовлеющий, органически спаянный в самом себе. Социализм в одной стране перестал ка-

вась с внешних форм.

Великая империя медленно умирала, но красота была еще с нею. Длинная тень Медного Всадника величаво прикрывала трещины и обвалы, незамеченные неискушенным взором.

Где-то, в тумане истории, реяли еще грозные российские орлы, размахисто носились над вершинами Шипки. Нам казалось, что во временном молчании мы различаем еще плеск дунайских волн, слышим гром чесменских орудий.

Мы привыкли мыслить Россию не иначе,

как в образе Медного Гиганта, стерегущего свою Неву. Вздыбленный конь был символом, но мы плохо проникали в его смысл.

Русская история не умерла, не замерзла не подвижно над бездной. Пушкин первый понял это.

В минуту тяжелых испытаний конь скрывается со своей скалы и мчится вперед.

....Тяжело-звонко скаканье

— По потрясенной мостовой...

Мы лишь краем нашего сознания остановились на динамичности петровского образа и совсем не примирили своеобразия этого вечного скакания.

Ветер не возвращается

Бесхитростный обыватель склонен, в сущности, рассуждать с большей хитрой.

К примеру так:

— Господа! В Красной Армии восстановлены уже все чины и звания. На плечах героев красуются золотые погоны, пышные ордена расцвечивают их грудь: Восстановлен кульп императора Петра. Князь Александр Невский, князь Дмитрий Донской, князь Суворов, князь Кутузов... Все как и прежде, все, как прежде... Еще немного, и на Невском проспекте появится молодцеватый городовий, строго посмотрит направо и налево, — и потянет в полицейский участок растрепанного еврейчика, «нарушившего» черту оседлости...

Скажем же ей всей ясностью тем, кто втайне надеется на это.

— Не обольщайтесь, господа. Дело обстоит несколько иначе. Реставрации нет и не будет. Горе народу, который бы обратил свою историю всепять. И нет в мире силы, которая могла бы остановить наш народ, вышедший на оселительную дорогу своего исторического призыва.

Наша родина называется — СССР — огромный дом свободных народов, где все — дети одной матери, творцы новой жизни для себя и для будущих поколений, для всего человечества, ибо правда — общечеловечна. СССР не противостоит России, но это не просто Россия. Это больше, чем просто Россия.

Что же такое все эти чины, ордена, выпушки и кантики.

Ответ незамысловат:

Войинская целесообразность. Это возможно и необходимо не потому, что возможен возврат, но потому, что возврат невозможен. Это было не нужно, пока была опасность что-то спутать; ныне же никто на нашей родине ничего уже не спутает, и потому все целесообразное приемлемо и желательно.

Люди идут на смерть не для того, чтобы заработать орден, но орден к лицу героя, заслужен им. Не военный портной бросает наши армии на неиступные твердыни Карпат или на страшный железобетон Пруссии, но долг, но та любовь, выше которой в мире ничего нет, из та правда, носительницей которой является Красная Армия и ее вожди. Сегодня в Советском

Союзе распутаны все концы, все приведено в ясность, и ничто не страшно, даже княжеские титулы.

За княжеством Суворова видят не угнетение бесправных, но кровную связь гения со своим народом, и — да здравствует князь Италийский, наша слава, наша немеркнувшая добрь.

Но что делать с теми, которые все еще сидят где-то в щелях и с опаской выглядывают на свет Божий, в надежде полакомиться на народный счет?

Пусть их остаются там, где сидят. Их даже не станут разыскивать, потому что их осознательно забыли.

Ведь есть два рода памяти. Одна обращена назад, к прошлому, другая направлена вперед, к будущему. Весь русский народ рванулся вперед, — у него нет ни времени, ни охоты заниматься трупами.

Но и трупы бывают разные. Мы видели целые горы трупов сначала на немецких, потом на советских экранах. Обледенелые, засыпанные снегом, с разметанными по лицу волосами... У многих не осталось даже матерей, чтобы оплакать их, ведь тысячи и тысячи этих матерей были замучены, перевешаны, перебиты, угнаны в рабство именно теми, чья память направлена всепять, к первобытным временам насилия и сверхзвериной жестокости.

Миллионы этих русских трупов — страшный залог того, что наша история падет не пойдет. Идея любви и свободы выше, чем идея смерти.

Незнамому еще в мировой истории разорению и опустошению русский народ противопоставил столь же незнамое еще творчество. Да, тут дело не в погонах или кантиках. Деревья не закроют леса. Ветер не возвращается на круги своя. Ни в большом, ни в малом.

Ветер дует вперед, Валериус.

Во вторник, 16-го января, в полутора день кончины артиста Александра Семеновича Полонского

в 10 ч. утра в соборе на рю Дарю будет отслужена заупокойная литургия о чем известна жена Н. Полонская.

заться утопией. Именно на базе евразийства возникло политическое течение младороссов.

Младороссы верно подметили, что советская государственность наполнится новым содержанием, но они слишком обольщены были формами красоты, уже не существующими.

Красота, казалось им, должна быть связана с монархической традицией, — к новому советскому стилю эни тщетно старались при менять монархический языки.

Не надо осуждать их: хорошо ли, плохо ли, но они одни из первых разрушили зарубежные предрассудки.

Течение возвращенцев и обронцев в значительной своей степени — лишь практический вывод из этих «шатаний мысли»

В первые же дни войны «шататели» поняли, что невозможно впрочем в одну телегу коня и трепетную лань и в огромном большинстве своем пошли сражаться и умирать за далекую советскую родину, навсегда предав забвению все языки и наклейки.

Отметим этот второй этап в зарубежном сознании. Русская жизнь и сама советская государственность, была скрыта от нас густым дымом. Тоскуя об опустевшем прошлом, мы боялись принять неизвестное будущее. Это составляло нашу трагедию. Но если форма может быть без содержания, содержание всегда находит свою форму. Среднее — расплывчато и недолговечно.

Но вот, на русской земле загремели немецкие пушки. Медный Всадник низвергся со своей скалы, и началось новое «потрясение».

Неожиданно оказалось, что содержание давно нашло свою форму, весьма отличную от старой, но не менее прекрасную. Старая форма, напоминает уже видение, новая — вещественна и осязаема.

О Шипках и Шумах мы лишь читали, дунайские волны видели только на гравюрах. Ныне же, — как далеко перевалили наши знамена, как далеко залетели наши орлы за осажденные их вершины. Как громко, на язы, плещут дунайские воды. Мы воочию видим «сияние этих шапок медных, насквозь прорытенных в бою» — не беда, что сделаны они не из меди, а из простой овчины...

Россия предстает перед нами в новом виде, в виде огромного и прекрасного синтеза.

Грохот, который мы принимали за обвал привычных форм, оказался грохотом новой стройки. Не обвал, а созидание. Время Петра воскресло, скрестилось со временем советского дела и породило то, что ныне поражает весь мир. Мир восхищается... склонен молчать. Это неважно. Новое содержание захвачивает всех, оно очевидно и неизбежно. Каждый пограничный европейский столб, каждый камень, вывороченный проходящим танком, кричат о русской славе. Как долго мы были уязвлены. Века и века мы совершили великие дела и подвиги, никто не хотел их признать. И вот — оно наступило, время нашего признания. Понаобумелась великая революция, со всеми ее потрясениями, чтобы нас увидели, наконец, во весь рост.

СЛАВЯНСКОЕ РЕШЕНИЕ

Судьбы всего славянского мира близятся к окончательному решению. За последние дни, это подчеркнули проникшие в печать отголоски переговоров, связанных с заключением франко-советского союза. И в самом деле, за годы войны сломлено не только наступление Титлера на Россию: сломлено наступление германцев на славянство, начавшееся тысячу лет тому назад.

После первой мировой войны избавление славянского мира от вечно тяготеющей над ним угрозы порабощения могло казаться уже осуществленным. Но это было лишь мираж. И все знают теперь, почему: мир, заключенный тогда, мир, игнорировавший Россию, приносивший исконные русские государственные и национальные интересы в жертву случайным «конъюнктурным» выражениям — такой мир не мог создать ничего прочного для славянства (как, впрочем и для Европы).

Каждующееся решение славянского вопроса без России и против России должны были бы придумать немцы, если бы вместо них об этом не позабылись другие. Можно даже утверждать, что исторически тактика германцев всегда в том и заключалась, чтобы разделить судьбы русского народа и западного славянства, противопоставляя друг другу, в частности, Россию и Польшу.

Почти 400 лет тому назад, после того, как Ливонский орден рухнул под ударами Грозного Царя, в перенеске Гайзейских городов так прямо и говорилось: если только две «сарматские» державы, Москва и Польша, стоят друг с другом, то «никто не сможет им противостоять в этих краях»: тогда прошай все обращенные на Восток колонизаторские планы — и военные, немецких рыцарей, и экономические, немецких торговых городов.

Четыреста лет русско-польский сговор заставил себя ждать. И чем больше пытались Польша колонизировать прилегавшие к ней русские земли, тем больше ослабляла она свою западную границу. Занятые вечно непокорной Украиной и планами захвата Москвы, польские Вазы спокойно и даже благожелательно смотрели на усиление своих немецких вассалов — герцогов прусских, на германизацию Данцига, на проникновение германских элементов в великую Польшу. Однако, ни в XVI-м, ни в XVII-м веке

ке Речь Посполитая не смогла переварить юго-западную Русь: при Богдаше Хмельницком этническая польско-русская граница проходила почти в точности все там же, где была она до Батыя, там же проходит она и сейчас. Зато пад отеческим польским слошеритетом выросло, за те же XVI-XVII века, казавшиеся безобидным прусское государство, вдруг показавшееся когти и скинувшее зависимость от Польши лишь тогда, когда Речь Посполитая едва не погибла в анархии и во внешних разгромах, последовавших за отпадением Украины.

Позже, в XVIII и XIX вв., все дипломатическое искусство прусских королей было нацелено на то, чтобы не дать замереть русско-польской распре. История разделов Польши есть, в сущности, история дипломатического поединка между Екатериной и Фридрихом Великим, где первая старалась воссоединить с Россией Белоруссию и привережную Украину, как можно меньше дав немцам поживиться за счет чисто-польских земель, — а второй стремился проглотить собственно Польшу под предлогом компенсации Пруссии за «чрезмерное усиление» России. И увы! к желанному успеху Фридриха привели не кабинетные интриги и не прямая угроза присоединиться к врагам России, когда эта последняя оказалась в очень невыгодном положении при одновременной войне с Портом и со Швецией; главным союзником прусского короля оказалась направленная исключительно на Восток «великодержавная» мания тех польских кругов, которые почти до конца надеялись на союз с Пруссиией против России.

Спаивать «последовавшие исторические грехи России против Польши не придет теперь в голову ни одному русскому. Но однажды будет позволено нам сказать: в александровском Царстве Польском (как никак представлявшим собою вполне автоном-

(Окончание см. на 7-й стр.).

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РУССКОГО ПАТРИОТА»

С настоящего номера, «Русский Патриот» выходит при расширенном и обновленном составе сотрудников. Список сотрудников будет объявлен в одном из ближайших номеров.

най гордости. Мы прошли суровую школу, за нами уже наш собственный опыт.

Наш восторг в какой то мере охладжен творческим расчетом, мы хотим оставаться трезвыми даже в ликовании. Наша задача не в поучении, а во взаимном сплочении. Мы ищем друзей.

Для нас нет одиозных имен, но есть одиозная совесть. За кровавыми днями войны встает уже страшный день всеобщего мира, — надо готовиться к нему. Каждая капля чернил на мирном договоре может зажечься солнцем или свернуться кровью. Каждый честный порыв, каждый дружеский жест может тяжело лечь на ту или иную чашку весов. Перестанем быть посторонними, история пишется надолго. Перестанем шантажировать в злобной дрожи: «добро, строитель чудотворный». За нас говорит не только наше чувство, наше достоинство, но и вся русская история.

Горе бедному безумцу, ничего не понявшему.

Бежит и слышит за собой, —
Как будто трома громыханье,
Тяжело-звонкое скаканье.
По потрясенной мостовой,
И озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несетя Всадник Медный
На звонко скачущем коне...

Не всем дано мыслить, как Пушкин, но чувствовать, как он, — обязан каждый, в ком бьется русское сердце.

В. Корвин-Пиотровский.

ПТИЦА

Локомотив, стремящийся в столицу от черных волн, от крымских рыбаков, встречает на пути железному птице с глазами станичных фонарей.

Она, как все пернатые творенья, во сне стоит, скрыв два своих крыла, имея крыши вместо оперенья, и вдоль одной — название Орла.

Орел обычно топка на вершине, и, точно, этот город — на холме. Всплеск зерна на мельничной машине — Орел готовит — свежий корм к зиме.

Пусть русских зерен золотая жила сиянием струится к птице той:

Анна Присманова.

Встреча

«Асфальт и герани... красные, бледно-розовые на чистеных клумбах... на Украине такие на широких, битой глины «киризбахах»... по деревням... Цветы на асфальте... последний отблеск полей..., кашки, впрочем, поля в Сан-Мартине... больше асфальта чем полей... Мину блеск по асфальту изжил, кричит: «азарт», когда летят авиона... по-русски — «стрекога», кашется... Мину никогда не скажет — тревога... добры вечно, пана, говорит... пять... не забыть бы пять поручений Жанны... как она кричала, когда я ей нож под сердце подбросил... как ей понять такое...

Кричала не Жанна. Кричала, истинно виждала свинью Маша, кося белесые, проснувшись от ужаса, глазки на страшные приготовления для странного дела. Дело было, впрочем, простое, житейское. Господин Жан заколол вчера свинью для засола на зиму и для «черного рынка». Минчелю нужны ботинки — раз, Жанни — меховая шубка — два, и прочее, и прочее.

она немало силы положила, чтобы заслужить подарок золотой.

Куски Орла взлетели ввысь, пылая, стал каждый дом яичной скорлупой. Когда-то в этом городе была я, в голодный год поехав за крупой...

Стоит, как прежде, птица над рекой. К воде она недаром подошла: донесли к Волге длинную рукою Ока — большую воду от Орла.

И та вода идет до Сталинграда — (есть в мире справедливость иногда) — так льется с ветки к корню, как на- града, дождь — почве возвращенная вода.

Анна Присманова.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

шаг, что жизнь не наша... философствуешь, чтобы поручения забудешь...

Хорошо, если с этим Бриковым дело сложу — а если нет... Маша ждать не может».

Поезд бежит (бег неважный, едва ли со-рок в час), вагоны скрежещут на поворотах, по стеклам бегут, нарастая, исчезают мгновенно капли дождя. Рыжие поля, неожиданные зелени, огородов, игрушечные, смешные ломтики.

Бескоре, однако — мимолетные превалы туннелей, изъеденные проказой стены, широкая пустыня путей на уныль мокрости.

Белый пар клубится в тяжелом небе, редкие клочки задерживаются, растякаются под черной сожженой сажей крыши.

Виз, скрежет Приехал.

Покидая вокзал, господин Жан облегчен- но вздыхает. Подобраться, забыть, расправить неуклюжесть движений, дельце об-делать, окунуться в дела. Просыпаются также мысли Ивана Николаевича. В кафе-ресторане, где назначено свидание, есть русская вода. Встрихнуться немного, че-го там...

Преявляется легкий туман, приятное на-строение, новые деньги, случайности жизни. Потом — потом, оттого же, можно вер-нуться и с утренним поездом...

Господин Жан бодро переходит широкую площадь в установленном месте. Он рад коину короткого путешествия.

Поговорить можно о российском прошлом. Безобидно и тема неискренна.

Вы, ведь, кажется, тоже...

Поговорить можно о российском прошлом. В павлодарском... в гражданскую би-ли в Ногайских степях... под Одесской ру-ка проштреена...

«И какого чорта он об Одессе вспомнил... Ветер, ледяной ветер... Жанна никогда по-ни- не помнит...»

Да, были, были дела... Так вот о деле.

Отчего же, Иван Николаевич можно и о деле. А водка у них вкусная, удивительно даже.

Соседка улыбается — нравится широкий русский размах.

Русские... барин... вода... не пригла- сите ли завтракать?

Нет, мадамочки, мы должны оставать-

ся один. У нас дела — познаместе — дела.

После третьей с закуской поговорить со-всем приятно. Все легко выполнимо, все буд-дет закончено в взаимном удовольствии.

За большими витринами мелкий дождь, а в кафе тепло, уютно, гарсоны уединяют, даже дым напироносный приятен.

«Маша не может ждать... Отчего он не идет, право...»

Версталась входная дверь, мелькали серые пальто, серые шляпы, а русые бородки Брико-вова все не было.

Крипин подошел как-то скромно, помахивая русской газетой.

— «Кажется, свиданье с вами... вы...»

— Да, да, простите... узнал бы и без га-зетки...

— Разрешите представиться...

«Узнать не трудно... бородка русая, а кто теперь носит бородки... глаза рыбьи, рыбьи глаза, ну вот и неспроста...»

— Присаживайтесь — для начала рос-сийской...

О Маше сначала нельзя — о Маше по-сле третьей рюмки. О политике тоже скольз-ко. Ну, там о погоде...

«Росту он маленький, и какое мне дело до его роста... а глаза рыбьи... тусклые, не-много на выкате, ну, и рыбьи...»

Поговорить можно о российском прошлом. Безобидно и тема неискренна.

— На «Енисее», в декабре, из Одессы.

— Свиделись, можно сказать, свиделись... За горло, скрежет, за горло... нагайкой из расщепленой, голым... руки глаза, потом хо-лод, как нож... холодно и черно...

— Вы... Семен Никифорович, шрам на

руке узнаете?

— Что это? У меня самого ру-ка прострелена... Дело кончено, Иван Ни-колаевич. Мне после кофебежать надо.

— Ренено, значит — зантра к двенадцати-и у вас с грузинчиком. Солома там или сено, что прикрыть у вас найдется?

— Семен Никифорович — никакого се-на!

Вот сейчас и произойдет. Все будет сей-час по-настоящему. К чорту чорту, к чорту чорту...

— А ведь были рыбы глаза, были...

— Да сиди, Семен Никифорович, кстати, у нас и побоадет. Спросите госпо-дина Жана...

— Пять минут одиночества и мечтания.

Потом:

— Чо-ж, мадамочка, вместе проведем

вечерок, что-ли?...

П. Старов.

Ярослав и сага

В советской литературе последних лет в высшей степени повысился интерес к историческим источникам. Объясняется это не только желанием русского человека узнать прошлое своего народа, но и известной тенденцией советского писателя, которую московские критики называют «историзмом». Сущность этой тенденции — в том, что раскрытии исторического процесса в литературном произведении, которое связано с верой в лучшее будущее человечества, идущего через все катастрофы к более разумной и счастливой жизни. Понятно, происходит также переоценка многих явлений в истории. С этой точки зрения интересно посмотреть по новому, например, на такую персонажа древней русской истории, как Ярослав Мудрый.

Мы знаем ее из школьной скамьи, что представляется ею в каком-нибудь учебнике истории. Легендарны были монахами. Поэтому они с особенной похвалой отзываются о благочестивом образе жизни Ярослава и о его любви к монахам, церквям и книгам.

По несколько иных и менее стилизованных представлениям нашим глазам этот образ, если мы обратимся хотя бы к скандинавским сагам. Пoэт, и монах по разному смотрят на мир и на человеческие страсти. В «Саге об Эдмунде», в которой выведен и Ярослав, киевский князь далеко не такой склонный строитель монастырей и почитатель монастырских уставов, как нам сообщают об этом летописи. Суслыное золото его венца бледнеет. Но зато образ князя приобретает осмысленность и все связанные с реальной жизнью житейские качества человека и правителя.

На кончины скандинавии, чтобы избежать смерти или ослепления, вместе с товарищем по оружью Рагнаром он прибывает в Новгород, где в это время посадником был кн. Ярослав.

В честь беглецов был устроен пир, на

котором, среди рассказов о подвигах и му-зыкальных выступлений, благородный ярл Эдмунд вел переговоры с русским князем.

Но даже винные пары не мешают Ярославу обдумывать каждое свое слово.

Диалог настолько реалистичен, что не только представляется себе хромоногого хи-треца и молодого искателя приключений, но и все обстановка чиста.

— Можешь! Ибо вместо этой платы мы согласны принять меха бобров и соболей. А если случится война и будет добыча, ты за-платишь нам пенизами...

Ярослав обдумывал выгодность сделки. Даже в его стране меха представляли боль-шую ценность. Их можно было продать в те далекие мусульманские города, где злобные гаремные затворницы кутались в соболи-шубки. Но князь имел нужду в наемниках.

Скандинавы вытащили свои яльды на берег, чтобы зимовать в Холмгарде, как они называли славянский Новгород. Горница, в которой стал жить Эдмунд, была обита красным сукном. Вскоре эти люди приходили Ярославу в братобойственной войне со Свято-полком. Как известно, скандинавы при-няли участие в битве под Любечом.

Но сага не помнит названия города, ни Днепра. В северной поэзии они превратились в условный пейзаж эпической поэзии. Там, где произошла битва, «был большой лес и большая река».

Как пуждаемся в вашей дружине и распорядительности, — осторожно отвечает Ярослав.

— Мы просимся быть защитниками твоих владений.

— Мы пуждаемся в вашей дружине и распорядительности, — осторожно отвечает Ярослав.

— На такое изживление я согласен.

— Тогда мои люди готовы сразиться впе-реди тебя. Но сверх того ты отпустишь на каждого воина по учини серебра, а началь-никам ладей еще по полтинни.

Ярослав покинул скандинавию, чтобы избежать смерти или ослепления, вместе с товарищем по оружью Рагнаром он прибывает в Новгород, где в это время посадником был кн. Ярослав.

В честь беглецов был устроен пир, на

котором, по то молоко и бифштекс каж-дый день. А здесь он все канапы, канапы, канапы. Ему скоро десять лет будет. Доктор говорит — высокочит...

Господин Жан прислушивается (вот вы, девочки, о чём разговариваете!), собира-жает. Продавать Машу или не продавать. Цена выходит...хватить его сейчас за горло, что ли...

— От этого алкоголя все в легком тума-не и все не очень настоюще.

Слава Богу, что не настоюще.

Ну, какая там Одесса. Здесь Париж, гос-подин Жан Крикцову свинью продаёт «на черном рынке».

Франков, но за то молоко и бифштекс каж-дый день...

После третьей с закуской поговорить со-всем приятно. Все легко выполнимо, все буд-дет закончено в взаимном удовольствии.

За большими витринами мелкий дождь, а в кафе тепло, уютно, гарсоны уединяют, даже дым напироносный приятен.

— .. .И.. .Рыбы глаза без пинса — невозмож-но, совершенно невозможно... это не он, не мож-ет быть, чтобы он...

— .. .В больнице на рассвете — какая то-ка...

— .. .Ставить на светлое, с трудом различ-аешь — все койки, все койки да стены — а не-то...

— .. .До утра дождаться все равно, что жизнью второй раз прожить. Все ушло, жизнью ушла, связи ушли — нет исхода... в полуноче, в бреду — куда лезешь, не лезь... в ледя-ную зеленую воду...

— .. .Росту он маленький, глаза рыбьи — за-помнить бы, не забыть... искать всюду, всю

жизнь искать... за горло его, за горло...»

— .. .Дорогой Иван Николаевич, друг, здесь тебе — не больница, здесь кафе с музыкой. Жанина дома денег ждет. Пять поручений и игрушки Мишу...

— .. .Нет, уж позвольте мне, я, так скажу-тесь, магарыч ставлю.

Через большие витрины видно: мелкий дождик усилился. С широких улиц вокзала светят «Мертвые души», совершают изобретен кри-зисом пыльцы «кули — юльи», написаны пе-сенька «кириллички» и построены норкой бри-фасона «кнопред». И пока в большом мире

идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все го-тово: есть гастрюк «мечта ударника», «толстовка — гладковка», ламские пробо-вы подмышки «любовь пчел трудовых».

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думая, то и погибли в Советском Союзе их злую сатиру на особенности переволюционного быта.

А ведь были рыбы глаза, были...

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Четыре месяца прошло со времени нашего освобождения. И нужно сказать, что в настроениях русских эмигрантов во Франции за эти четыре месяца обнаружилось нечто неладное.

Может быть из человечеству это и очень понятно. Мы пережили нечто подобное освобождению из могилы заживо погребенного... Задыхаясь, мы долго прислушивались к звукам, глухо доносившимся извне; ритм жизни предстался тогда стуком лондонского Би-Би-Си и прилил надежды сменялся днями и неделями летаргии: опять ничего нового на фронтах. Чувство почти физической придавленности вызывало почти физическую же потребность ощущать, как «золотое сердце России мурко бьется в груди мэй», как родные названия, гремевшие в оперативных сводках Восточного фронта, будят в нас жизнь наших предков, нашу еще не в конец раздавленную жизнь...

Потом эти родные названия сменились именами пограничных немецких станций, румынских и венгерских городов. И почти одновременно пришло наше освобождение.

Сознание русской победы, небывалый восторг быть русским, чувство нашей собственной свободы, словно, опьянили нас. С тех пор для одних стало как бы естественной реакцией — кричать ура без умолку, по всякому поводу и даже вовсе без повода; другие, не менее напряженно переживавшие русскую борьбу и победу, но наделенные иным темпераментом, успокоились на том, что Отчество спасено, и начали постепенно возвращаться в эмигрантский быт. И в обоих случаях люди, ловившие каждое союзное радио, когда за это грозила тюрьма, вовсе бросили слушать военные сводки; горячка, с которой мучительно искали на карте каждую освобожденную русскую станцию, сменилась полным равнодушием к всяkim там Инстербургам, Миницольцам и невесть как проинсийским Секешфекерварам.

А тем временем к миллионам и миллионам русских трупов, уже усевших все пространство от Волги до Дуная, прибавляются все новые и новые русские трупы; тот же ад, который цвел под Москвой, под Севастополем и под Сталинградом, кипит теперь под Будапештом, и русские войска идут в него с тем же беззаветным героизмом, на который мы смотрели уже, как на историю, в фильме обороны Москвы.

Потому что исход войны, слава Богу, предрешен, но война не кончена.

**

То, с чем Россия столкнулась в этой несбыточной войне, не есть просто иностраный завоеватель, покусившийся на наши просторы. Батый уничтожал население отдельных, сопротивлявшихся ему городов. — У него не было плана систематически, научными методами, уничтожать целые народы, все население намеченных к завоеванию стран. Наполеону, подчиняя побежденные державы французской политической системе и наследству мировое господство французской культуры — не приходило в голову воспитывать великую Нацию в «отвращении» от всего не французского и выкорчевывать всякую другую культуру. Но в наши дни случилось неслыханное: в самом центре Европы, работоспособным, широко одаренным, просвещенным 70-миллионным народом, имеющим блестящее культурное прошлое и передовую техническую цивилизацию, словно овладели бесы, внушившие ему, что не только ему все дозволено, но его судьба, его призвание — уничтожить «полулюдей», так или иначе стесняющих его собственное великолепное цветение.

При этом бесы, вселившиеся в германский народ, вовсе не только Гитлеры, Розенберги, Геббельсы и Гиммлеры всех больших и малых калибров. Нечистая сила подстерегала Германию очень давно, внедряясь в ее постепенное и гитлеровский гипноз, потому только и стал возможным, что нация готова была в него погрузиться. Не с таким совершенством, как в эту войну, система закабаления и высасывания побежденных и вассальных народов, уже начинавшая функционировать в 1914-18 гг.; все элементы учения о «народе господ», в хищном «белокором звере», призванном господствовать над вселенной, уже были готовы к концу прошлого столетия; и когда из уст дервишей нацизма раздался призыв к уничтожению славянских народов, в нем звучали не только недавние заветы «просвещенного» канцлера Бюлова; на него откликались гораздо более далекие, глубоко засевшие атавизмы народа, с XIII века призывающие полным горлом хлебать славянскую кровь, при том с абсолютной уверенностью, без тени сомнения, в своем на то непрекаемом нравственном праве. Когда саксонские миссионеры Генриха Льва говорили

рили, что полабских славян все равно не способных стать христианами, следует не крестить, а уничтожать, или когда меченосцы поголовно вырезали славянское население Гданьска (уже христианское в течение многих поколений), они уже возвещали и осуществляли в точности ту самую систему, которую мы видим в «генерал-губернаторстве» и в оккупированном «Остланде», т. е. на нашей русской земле.

Возражают, что зверства знают историю любого народа. И это бесспорно. Но систему, отрицающую за другими народами самое право стать «вполне людьми», можно найти лишь в истории германизма и в частности в его отношении к славянству. Даже испанские конкисты не отрицали у индейцев души, способной обратиться к истине и спастись.

Только этим глубоким и очень давним вывишом германской народной души можно объяснить страшный феномен наших дней: как даже самые культурные немцы, воспитанные на Гете, читавшие Рильке, сознававшие (головой) примитивизм национал-социализма, где то, каким то углом своей психики, все же оказывались с ним смиренными, все же мчали перед зреющим германской мощью вдруг растворялись в «электрическом вихре» звериного рева и аппликаций, приветствовавших фюрера на его выступлениях. Иные потом, как бы стыдились этих моментов экстаза, — нам, выжившим в Германии иностранцам, не раз доводилось слышать этот недоумевший вопрос: «Да что же такое с нами, собственно произошло?», — по слова из песни не выкипеть. Экстаз был, пусть на короткое время. Вот хоть на самом этом собрании, где не немца вонли и бесповинования толпы могли не заразить, а лишь устрашить и отратить. И кто скажет нам, что происходит в душе каждого из этих же наци, каждого из этих наших «культурных друзей», когда его, в качестве крупного чиновника, или совсем мелкой сошки отправляли в Остланд, строить «на тысячелетия» величие фатерланда, строить на русских костях и на обломках русской культуры, обреченнной на смерть.

«Тысячелетнее строительство» провалилось, как бы то ни было... не по их вине. Раз оно провалилось, они, эти представители «другой Германии» будут через три месяца или через три года очень убедительно говорить, что нельзя же на целый народ возлагать ответственность за безумие нескольких извергов. Но, позвольте на этот раз сблюдать осторожность.

Сейчас еще, когда война ими проиграна очевидно и совершенно безнадежно, зеленая немецкая молодежь все еще бьется с настоящим героизмом на подступах к Германии. (Не будем бояться слов — геройизм не

перестает быть героизмом, от того, что он бессовский). Огнем и мечом свалить эту дьявольскую силу, — повторяю, дело совсем не легкое, потому и льется еще потоками русская кровь и без счета расходуется русский геройзм. А потом — что делать потом, с этим 70-миллионным народом в центре Европы?

Дай Боже, чтобы была «другая» Германия. Но чтобы она была, ее надо еще сначала создать и это, вероятно, еще труднее последнего штурма последних военных позиций Гитлера. Во всяком случае, это дело нескольких десятилетий. Тем временем всем должно быть ясно, что третий раз это допущено не будет. Ясно с самого начала.

А мы здесь в Париже кричим ура или по-тихоньку переходим к очередным делам?

Для того, чтобы это не повторилось больше никогда, первое и необходимое условие — сильная Россия и всеобщее к ней уважение. Теперь нет даже надобности ссылаться на печальный опыт международного периода: его усвоили, кажется, все. И уважение к русской мощи, преклонение перед героизмом русского народа и перед его государственным гением теперь таковы, какими не были и в 1812 году.

Но необходимо все это закрепить надолго. Россия и прежде в сознании всех должна оставаться «друзьям щита», а недругам грозою».

И тут надо договариваться до конца. Русская победа загнала в центр исконное недоверие Европы к России — ко всякой России. Загнала, но не забила. В каких то щелях это недоверие сидит. Нам же и миру нужен до конца крепкий, до конца здоровый союз России с ее естественными друзьями на Западе. В частности, пока не завершилось перевоплощение Германии — дело перевоплощенности важности крепить франко-русский союз. Крепить во всех сферах и, так сказать, на всех этажах. Ибо малейшая трещина в нем, открывала бы путь к изводу катастрофе.

Дело каждого русского поддерживать, во-первых, честь русского имени. И друзья, и враги должны знать, что там, где дело идет о судьбе русского народа и созданного им государства (т. е. отныне Федерации свободных народов, которую «сковала навеки великая Русь»), там само собой возникает единение всех русских (если только они не перестали быть русскими). Здесь во Франции, в дни оккупации и борьбы, каждый раз, когда встречались бежавшие из плена краснозарейцы и русские эмигранты, они действительно оказывались друг другу родными, детьми одной великой страны, при этом, без всяких деклараций и без умаления достоинства кого бы то ни было. Декларация

Доклад Н. А. Бердяева

Состоявшийся по почину русских писателей во Франции, доклад Н. А. Бердяева: «Русская и германская идеи» был событием в жизни русской колонии в Париже. Как имя докладчика, выступившего впервые после 4-летнего вынужденного молчания, так и тема его сообщения не могли не привлечь многочисленных слушателей: зал «Союза Патриотов» оказался тесным.

«Современные идеи, — говорит он, — не новы и не поверхности. Перед нами происходит столкновение двух идей, двух мировоззрений: новая форма той борьбы, которая две тысячи лет тому назад противопоставила христианство античному языческому миру. С одной стороны, языческая, греко-римская идея, идея аристократическая, господствовавшая в «демократиях» древности, идея качественного подбора расы господ, попирающих слабых, живущих за их счет. С другой стороны, — идея библейская, раскрытая христианством, идея братства людей, жалости к слабым и униженным. С одной стороны, — обоготворение стихийно-космических сил, с другой

— утверждение безусловной ценности человеческой личности. С одной стороны — тоска по потерянному раю, по золотому веку богов и героев. С другой — мессианско-устремление к грядущему дню, к преображению мира.

Первая из этих мировых идей представлена в нынешнее время наиболее ярко идеей германской. В германской душе элементы языческие вытеснили христианские идеи. Германия философов и музыкантов, давшая столько ценностей мировой культуры, поглощена Германией милитаристической, утверждающей господство избранной расы Гитлеризм — не случайное и не наносное явление. Он готовился издалека. От Фихтэ и Гегеля к Розенбергу лежит прямой путь. И этот путь — тупик. Он ведет к одержимости темной судьбой, к пафосу героической гибели, к вагнеровским «Сумеркам богов», к упоению смертью.

Следует ряд цитат, одна другой различнее. Вот одна, самая чудовищная из всех: «Нам нужно провозгласить войну, — пишет Клаус Вагнер, — которая будет про-

должаться столько же, сколько существование и эволюция на земле. Нам нужно провозгласить вечную войну. Песнь песней вечной войны, крик призыва к радости сильных, похоронный звук для слабых — будет звучать, как гром до последнего дня».

Идея германской противопоставлена русской идеи. Ее истоки — в Ветхом Завете Ягве — защитник бедных. В псалмах, в книгах пророков, как потом в Евангелии, звучит все тот же основной мотив: восстание против богатых и сильных. Сильные будут уничтожены. Первые да будут последними. Им проникнуты и свято-отеческие творения («Бог изначально не сделал, конечно, одних бедных, других богатых», — говорит, например, Иоанн Златоуст, и.. Бог дал ту же землю для владения всем.. а это нечестие (социальное неравенство) может исчезнуть лишь после передачи всех благ в общее владение). Это пафос братства людей и народов, прекращение войны, освобождение человека от власти природы. Им проникнуто русское православие, русское мессианское сознание, русское сознание исключительности своего призыва, выраженное иконом Филофеем в учении о Трехъимении Риме.

История русского мессианства сложна, и в

ней можно различать несколько этапов. В идеологии православного царства, идея мессианская слита с идеей государственной, имперской. Но с 17-го века, с начала кризиса русского религиозного сознания, основные мотивы нашей истории раздаиваются. Между религиозным и государственным сознанием нет больше единства. Идея мессианская становится идеей раскольнической, революционной, протестующей против государства Левиафана, а иногда и против государства вообще. В отрицании государства бездушиего, государства, олицетворяющего силу, а не правду, государства, утверждающего национальные и классовые эгоизмы, сходятся все лучшие представители русской мысли и русского искусства XIX века, — от славянофилов до западников, от Достоевского до Бакунина. Эта вера в русскую миссию, в ее свет с Востока, во всечеловеческое призвание русского народа принимает с конца прошлого века новый облик социального мессианизма. Вместо «Третьего Рима», — Третий интернационал. В понимании русского марксизма, Россия должна осуществить социальную правду в коммунизме, минуя капитализм, показав пример миру. Миссия России — не государственная и национальная, а вселенская, универсальная: мессианство пролетариата соединяется с мессианством русским, и именно

ции могут в дальнейшем лишь констатировать этот факт, всецело служащий к чести русского имени.

Дальше. Никакая официальная пропаганда, никакая пропаганда в узком значении слова вообще не может исчерпать проблемы отношений России и Запада. Именно потому, что мы не представляем официально никого, что мы вольные люди, в жилах которых течет русская кровь, именно потому, что никто не поручал и не мог поручить нам никакой пропаганды — именно поэтому мы можем и должны быть полезны и нашей родине и ее западным друзьям.

Нелепо начать нам сейчас говорить казенным языком. Уверять, что все русские и мы в том числе, идеологически теперь стали марксистами, — глупое дело хотя бы уже потому, что в это никто не поверит. Поверить могут в то, что доказуемо факты, — в наше отынне лояльное отношение к власти, которая возглавила Россию в этой странной борьбе — делила с ней смертельную опасность и делит с ней неслыханную славу.

Жизнь государств и народов всегда многогранна. После этой войны мир, и в частности Запад, и в частности Франция, должны научиться видеть всю многогранность нашей страны и нашей культуры при всем ее внутреннем единстве. Только тогда не окажутся места вечно воскресающим клеветникам России.

Итак: больше трезвости и больше серьезности в нашем отношении к России и к нашему долгу перед ней. И мы можем сказать просто как русские в объяснение друзьям и на странах врагам:

За то, что она стянула с нашей страны всякую косность,
За то, что она спаяла русское единство,
За то, что она пробудила в русском народеажду небывалого творчества,
За то, что она дала нам вместо Танненберга — Стalingrad,
За все это да будет благословенна революция.

С. Оболенский.

КАДИ

Общее собрание местной группы Защиты иммигрантов XI арр. будет иметь место в воскресенье, 14 января, в 9 час. 30 мин., в мэрии-XI арр.

Для 5-го и 13-го арр. — в тот же день, и в то же время, в Баль о Флер, 58, бул. де л'Опиталь. На собраниях выступают представители французских и иммиграционных организаций.

Это совпадение дает русской революции ее мировой размах.

Но революция, направленная сначала к уничтожению государства, не уничтожает государственной и национальной реальности. Осознав эту реальность, революционная власть крепит русское государство, продолжает дело Петра.

Однако, это новое государство несет социальную идею. Оно подчинено и обусловлено исканием социальной правды. Впервые со временем православного царства мотивы государственные и мессианские соединяются.

Отсюда — мощь России и страх, который она внушает. Вся история двадцатых лет определяется страхом перед Россией, а страх не доводит до добра. Двадцатый мир находится в «жидком состоянии», стремление по-своему сочетать национальное и социальное начала, противопоставить русскому мессианизму иные, локальные, национально-ограниченные формулы, порождает фашизм и гитлеризм. Мировая война в основном (каковы бы ни были другие идеи и интересы, ставившиеся в ней), есть, прежде всего, борьба двух идей: русской и германской.

— Что есть Германия? — спрашивает Н. А. Бердяев.

— Расизм, антисемитизм, порабощение

От Комитета Помощи сов. военнопленным

Комитет Помощи Советским Гражданам, освободившимся из немецкого плена, сообщает ниже следующий список художников, широко и горячо отзывающихся о пожертвовании своих картин в пользу бывших советских пленных.

Открытие выставки и продажа картин

будет производиться под высоким покровительством нач. военной советской миссии во Франции, ген.-майора артиллерии Драгуна, в галерее Рене Друан, 17, плас Вандом, Париж, в пятницу, 26-го января 1945 г.

Yves ALIX — dessin.
T. AUJEME — toile.
Emmanuel AURICESTE — sculpture.
ANNENKOFF — toile.
BURTIN — toile.
BOUVEESTER Christine — dessin.
Brianchon — dessin.
Bersier — toile.
Bazaine René — dessin.
Belle Narcisse — toile.
Bertholomé St. André — toile.
Borès — toile.
Beaudin — toile.
Beauquier — dessin.
Charcheune Sérge — toile.
Caillard — aquarelle.
Cechet — peinture.
Chastel — toile.
Dessoyer — peinture.
Dayez — toile.
Dechelette — peinture.
Deméla César — gouache.
Deyrelle — peinture.
Eckman Nicolas — dessin.
Fougeron — toile.
Fernandez — toile.
Fotinsky Sérge — peinture.
Favory A. — aquarelle.
Georg Edouard — toile.
Gromaire Marcel — dessin.
Gischia — toile.
Goez — toile.
Grimme — peinture.
Gantcharova — peinture.
Grouber — toile.
Halicka — toile.
Hillaireau — toile.
Hajdu Etienne — marbre.
Khodassevitch Nadia — peinture.
Kandinsky Vassili — peinture.
Laillard — peinture.
Leger — peinture.
Lhote André — gouache.
Lefranc — toile.
Leervensteine — peinture.
Lapique Charles — dessin.

Larionoff — peinture.
Labisse Félix — peinture.
Lipchitz Jacques — bronze.
Limouse — sculpture.
Laurens — peinture.
Manessier — peinture.
Marzelle — toile.

Marcoussu André — toile.
Marchand André — toile.
Matisse — dessin.
Picalbia Francis — gouache.
Poiver — toile.
Pagava Véra — toile.
Prinner — sculpture.
Pignon — toile.
Pongny — peinture.
Picasso Pablo — toile.
Paris — toile.
Roux — toile.
Singier — toile.
Stael Nicolas — toile.
Scarbi — dessin.
Terechkovitch — toile.
Venitien J. — toile.
Villon Jacques — gouache.
Viillard Roger — burin.
Walsh — toile.

Дополнительные сведения появятся в следующем номере.

Славянское решение

(Начало см. на 3-й стр.).

ное государство) возрождавшийся польский патриотизм мог заостряться или в сторону несомненно польских Познани и Нижней Вислы, оставшихся в обладании Пруссии; или в сторону потерянных Польшей западно-русских областей.

Не будем вспоминать подробно, как в 1919-20 гг. Польша Пилсудского перешла через линию Керзона и что воспоследовало от этого для украинского и белорусского населения «кресов». Подведем только итог: непосредственно перед началом нынешней войны, политика полонизации «кресов» началась тем, что осадное положение стало на Западной Украине явлением почти перманентным. И как в ХУН-м все же, официальная Польша, боясь усиления своего восточного соседа, благосклонно склоняла ухо к соседу западному (порой становившемуся опять очень любезным, как первые прусские герцоги), и подумывала серьезно о том, что Черное море может быть действительно лучше Балтийского. Когда же западный сосед опять оскалил зубы и стала явной необходимость военной поддержки с Востока, тогда заговорил страх: как впустить в Польшу русские войска, не полуктив от Москвы новой гарантированной границы (гарантии, которую Москва морально не была в состоянии дать, в ХХ веке, как и в ХУН-м).

За манио «великодержавников в направлении на Восток» бесчисленными, неслыханными жертвами заплатил польский на-

род. Но пусть эта польская кровь, смешавшаяся с кровью русской, утвердит навеки страшное для германизма братство «сарматских» народов. Пусть они размежуются там, где была их граница на заре их истории, и где до сих пор кончается польская речь и начинается речь восточно-славянская. И пусть белый орел обратит свой клюв против смертельного врага, иконы ищущего искоренения польского народа (чего русский народ не искал никогда, даже в самые кровавые эпохи русско-польской борьбы). Неуспешная на Востоке, польская колонизация уже до этой войны, вопреки всем усилиям немецкой демографической политики, переходила через государственные границы на территорию Рейха. В Восточной Пруссии (где густота населения была вдвое меньше, чем на Украине) оставил пустые места, куда и внедрялся славянский, польский крестьянин. Этот процесс несомненно возобновится сам собой, раз польский народ уничтожить не удалось. Его нужно поддержать и ускорить. Сами немцы показали, как можно «перемещать» целые группы населения. И широкая полоса земель вдоль Балтийского моря, которую немцы за 700 лет не сумели по-настоящему заселить, может и должна быть возвращена Польше; из «резервата» прусского юнкерства, рассадника войны, эти земли превратятся тогда в страну мирных славянских земледельцев, ныне несравненно более живущих, несравненно быстрее плодящихся, чем уже вырождающийся германизм.

С-ный.

Театр и музыка

КОНЦЕРТ БОРШАРА

Известный пианист Боршар дает в воскресенье, 28 января, в большом зале Плейель, второй в сезоне концерт. Программа составлена исключительно из ноктюрнов и вальсов Шопена.

РУССКИЙ ТЕАТР

Ввиду запрещения префектурой дирекtorу театра «Мобель» сдавать свой театр для каких бы то ни было спектаклей, премьера «На дне» переносится в другой театр. О дне и месте спектакля будет объявлено особо, когда и можно будет обменять взятые на премьеру билеты. Желающие же получить деньги обратно благоволят обратиться на 4, рю Гальяра.

Поправка

В предыдущем номере «Русского Патриота», в статью «Права советских граждан», вкраилась опечатка в цифре, которую мы считаем своей обязанностью исправить.

В 1939-1940 гг. не 20 т. вузовцев, конечно, посещали 750 высших учебных заведений, а 620 тысяч.

К. Елита-Вильчиковский.

PLEYEL
в воскресенье 28 января
в 14 час. 15 мин.
предв. прод. бил. открыта.

НОКТЮРНЫ И ВАЛЬСЫ ШОПЭНА В ИСПОЛН. ПИАНИСТА
BORCHARD

Суббота
20 января
в 20 час.

PLEYEL
Метро TERNES
**Второй концерт
русской музыки,
пения и танца**

БАЛАЛАЕЧНЫЙ ОРКЕСТР И ХОР (в уси.) сост. 40 ч.) под упр. Г. ЧЕРНОЯРОВА
Е. А. САДОВЕНЬ (арт. Русск. Оперы), Б. АКИАРОВ, АШИН ХАН (в своем репертуаре). КОМИЧЕСКИЙ ХОР ТЕАТРА «МАСКИ» под упр. С. ГЛЕБОВА.
РУССКИЙ БАЛЕТНЫЙ АНСАМБЛЬ ИРИН Й ГРЖЕБИНОЙ и БАЛЕТ ЕЛЬЦОВА.

Оставшиеся билеты у Плейель и у Дюрана (4, пл. Мадлен).

В виду того, что
многие, за недостатком мест, не
могли присутствовать на Рождественском концерте.

Хроника Союза Р. П.

ОТ СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА

Председатель правления Союза принимает ежедневно, кроме субботы и воскресенья, от 2 час. до 5 час. дня.

Генеральный секретарь Союза принимает ежедневно, в помещении Союза: 4, рю Гальера, кроме суббот и воскресений, от 14 до 16 часов.

Секретариат Союза просит всех лиц, записавшихся в Союз, но еще не заполнивших анкет, поспешить с выполнением этой формальности, без которой они не смогут получить членских карточек. Означенная просьба относится также и ко всем товарищам, работавшим в подполье, т. е. до освобождения Парижа от немцев, но не оформленным официально своего зачисления в Союз.

С 8-го января секретариат С. Р. П. приступает к выдаче членских билетов. Лица, полностью заполнившие анкеты с указанием поручителей, могут являться за получением членских билетов в приемные часы в помещение Союза с представлением двух фотографических карточек.

ОТДЕЛ ЛЕКЦИИ И КУРСОВ

В среду, 17-го января, в помещении Союза, состоится лекция проф. М. Л. Гофмана на тему: «Русский народ — творец художественной культуры».

В пятницу, 19-го января, состоится свободный диспут на тему: «Интеллигенция и советский строй». Вступительное слово скажет С. И. Руденко. Запись ораторов — перед диспутом.

В среду 24-го января — лекция проф. С. С. Чахотина: «Создание нового человека — задача наших дней».

На очереди — лекция Н. Г. Захарова на тему: «Государственное и экономическое значение колхозов».

Начало лекций — в 20 час. 15 мин. Вход — свободный. На покрытие расходов — 5 фр. Безработные и учащиеся — 3 фр.

В понедельник, 25-го января, в 20 час. — собеседование для членов Союза, заполнивших анкеты по актуальным вопросам.

КЛУБ-ЧИТАЛЬНЯ С. Р. П.

В помещении Союза, 4 рю Гальера (метро Альма-Марс) открыт клуб-читальня. При клубе — буфет.

БИБЛИОТЕКА

С 18-го декабря библиотека СРП открыта по понедельникам, средам и пятницам, от 16 до 19 час.

Испытывая острую нужду в средствах, библиотека обращается с горячим призывом к сочувствующим помочь ей, по мере возможности, будь то книгами, будь то деньгами.

Лиц, имеющих на руках книги библиотеки Домбровского (Россика), просят передать их библиотеке С. Р. П.

POISSON d'OR

ОТКРЫТ все дни (кроме понедельников) ЦЫГАНСКИЙ ОРКЕСТР losko ARVAY.

РЕСТОРАН
24, Rue Vavin (VIe)
Tel.: ODE 90-95
от 7 ч. веч. до 2-х ч. утра.
Больш. артистическая программа.

Комитет русских женщин-патриотов, объединившийся на общем собрании со всеми другими иностранными женскими национальными объединениями, которых назначается во Франции в данное время одиннадцать, выбрал из своей среды представительницу на конгресс К. А. Д. И.

Конгресс этот собирается 25 января в Париже и является событием исключительной важности для всех эмигрантов.

Конгресс освещит положение эмигрантов многих европейских стран, давно живущих во Франции. Конгресс подчеркнет справедливость их требований, их физический, интеллектуальный и духовный вклад в культурно-созидательную работу страны.

В плане работы для конгресса, каждое женское национальное объединение делает следующее:

1. Собирает сведения обо всех, так или иначе принявших участие в борьбе с немцами, о сосланных, о расстрелянных, о погибших в тюрьмах и лагерях.

2. Собирает сведения о случаях вопиющей несправедливости ограничений труда, вида на жительство, социальной помощи.

3. Собирает сведения о всех, работавших творчески в жизни страны и способствовавших ее культурному процветанию.

4. Собирает пожертвования вещами для устройства грандиозной томбала в пользу нужд конгресса.

5. Принимает участие в устройстве буфета на балу.

6. Распространяет пригласительные билеты.

Во всей этой работе женских объединений принимает самое горячее участие и наш Женский комитет.

Вот почему я обращаюсь ко всем русским женщинам Парижа и окрестных городов, куда доходит русская газета, к женщинам активным, живым, горящим творческим порывом, объединиться для этой большой двухнедельной работы и, учитывая ее план и особенно ее цели, сделать все, что будет в силах каждой, будет ли это распространение билетов на гала, которое, кстати сказать, явится парадом национального фольклора всех участвующих стран, самое скромное пожертвование вещами или личное участие в празднике.

Председательница Женского отдела.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Женский комитет устраивает в среду, 17 января, в 7 час. 30 мин. вечера, общее собрание. Порядок дня: «Наша текущая работа». Женский комитет просит всех дам, желающих серьезно и организованно работать для общества, пожаловать к назначенному часу: 40, рю Сэн-Дидье.

В Женский комитет поступила просьба от русских Ф. Ф. И., находящихся в лагере Куломье, к русским женщинам принять участие в их судьбе. В этом лагере есть много иностранных добровольцев, которые регулярно получают письма и посылки от своих крестных матерей-сопечевенниц, и только русские, которые добровольно пошли в армию во имя ближайшего освобождения от войны и мира для всех, крестных матерей не имеют.

Всех, желающих установить связь с этим отрядом, в котором есть до 30-ти человек совершенно одиноких, просят обращаться в Женский отдел, где имеются адреса и список лиц, ожидающих доброго женского внимания.

Женский отдел на 40, рю Сэн-Дидье является центром по сбору книг для боль-

патриотов за их деятельность и провозглашен тост за великий русский народ и марш Сталина. Был сервирован стол, и дружеская беседа с представителями французского общества прошла очень оживленно. Дети были накормлены, получили много удовольствия, подарки, и счастливые разошлись по домам. Правление отдела считает своим долгом поблагодарить председателя организационной комиссии Н. В. Попова за прекрасную организацию, представительницу Дамского комитета Т. Г. Сабанееву, а также всех участников концерта. Правление также благодарит генерала Гудо, председателя французского комитета помощи, который предоставил для детей много сладостей.

Женский отдел

женщин, часто обреченных на смерть, в лазаратах, отдаленных от Парижа: эти больные — русские, военнопленные или насильно вывезенные из России, и книги для них, находящихся вне наших визитов, — единственная радость

Женский отдел обращается с просьбой ко всем, знающим имена больных советских пленных, находящихся в госпиталях, сообщить эти имена и точное местонахождение, а также помочь жертвованием продуктов и одежды для распределения между больными.

Прием в часы дежурств, от 3 до 5 час. дня на 40, рю Сэн-Дидье, ежедневно, кроме суббот и воскресений.

СОЮЗ РУССКИХ ПАТРИОТОВ

Устраивает в воскресенье 14 января ровно в 6 час. вечера

Гаитовальний вечер

Хороший оркестр. Буфет.

ШАМПО

51, r. des Ecoles DAN. 85-09

М-о Odéon et St-Michel

КАБАРЭ QUARTIER LATIN

Лучшая программа до 2 час. утра.

ОЧКИ — НИКИТИН

Русский дипл. оптик. — 38, Bd Batignolles

Метро: Place Clichy-Villiers.

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИГОТОРГОВЛЯ

«ДОМ КНИГИ»

MAISON DU LIVRE ETRANGER

9, rue de l'Eperon, Paris (6).

Календари на 1945 г. 50 фр. и 15 фр. Маклаков. «Ля Г. Думак» (Восп.) 150 ф.

Эренбург. «Рвац», ром. 105 ф.

Чижевский. «Гегель в России» 140 фр.

Слоним. «Портреты сов. писат.» 70 фр.

Алданов. «Десятая симфония», ром. 84 фр.

Слизберг. «Дорев. строй России» 140 фр.

Вячеслав Иванов. «Человек» 42 фр.

Совет. и заруб. изд. Книги по всем отраслям знаний. Словари и учебн. иностр. яз. для русских. Книги о России на франц. языке. Детск. книги. Учебн. для русских школ. Книги по русск. искусству. Магазин открыт ежедн. от 9 до 19 ч. Тел. Danton 10-60.

Сиротку русского мальчика от 3-7 лет возьмем усыновить. Писать З. Калинин, rue de Bois N° 6-8. Giberville (Calvados)

Требуются опытные рисовальщицы для работ по материи а также опытные ОБВОДЧИКИ И ОБВОДЧИЦЫ. Обращаться 12, rue du Havre, Maison JEANNE HELENE.

УРОКИ МУЗЫКИ (рояль), фр. яз., мат. рус. яз., все предмет. Оп. препод. (Моск. кон. М. В. Ж. К. Сорб.). Mme Vologdine. 211, rue Convention Tél.: VA 17-05.

КАЛЕНДАРИ, самоуч. англ. яз., словари в библиотеке ОФЕНИЯ. 8, rue Boucicaut (у. Sarasate Paris (15e)) Météo Boucicaut.

Откр. 4.30 - 6.30 ч. (кроме воскр. и пон.)

ИЩЕМ раб. по хоз., garde-mal., & iest. Писать: 38, r. Boileau, Paris (16). Mme MARIVANE.

ОБИВКА и починка мебели. Пружины, чехлы. занавеси. Установки. Mr. MICHEL. Tél.: MOL. 58-13.

Le Gérant provisoire Vénitien

Travail exécuté par des ouvriers syndiqués

Imprimerie S. P. I. 4, Rue Saulnier - PARIS 9